ISSN 0131-6095

Русская литература

3

2012

Санкт-Петербург
«НАУКА»

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© *И. В. Федорова*

АПОКРИФЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ В РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII—XIX ВЕКОВ: 1. АПОКРИФЫ О КРЕСТНОМ ДРЕВЕ*

Проблема включения в тексты «хождений» в Святую Землю апокрифических легенд и палестинских преданий поставлена в работах исследователей XIX—XX веков.[1] И. Я. Порфирьев привел значительный, но неисчерпывающий список апокрифических сюжетов, читающихся у наших средневековых паломников: «Игумен Даниил в своем путешествии говорит о главе Адамовой, погребенной на том месте Голгофы, где был распят Спаситель, приводит сказание о Мелхиседеке, сходное с апокрифическим словом Афанасия Александрийского, упоминает о столпе Давидове, на котором Давид псалтырь составил; Арсений Селунский также говорит о месте, где лежит глава Адама первозданного, о кáмне на берегу Иордана, под которым кости змиевы видети, что блюли рукописание Адамле; Трифон Коробейников рассказывает о гробе Мелхиседека в церкви под горою святыя Голгофы и о главе Адамовой на месте распятия Спасителя...».[2]

Однако систематическое исследование легендарного материала в составе «хождений» еще впереди и, можно прогнозировать, имеет большой потенциал как для реконструкции самого репертуара палестинских легенд, известных нашим паломникам, так и для исследования истории развития жанра паломнического «хожде-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Палестина и Россия: исторические и культурные контакты и связи» («Неизвестные описания Святой Земли русских паломников XVII—XIX вв.: исследование и тексты», проект № 10-04-00247 а/П).

[1] См., к примеру: *Веселовский А. Н.* К вопросу об образовании местных легенд в Палестине // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Май. С. 166—183; *Заболотский П.* Легендарный и апокрифический элемент в Хождении игумена Даниила и экскурс в область истории возникновения и развития легенды и апокрифа. Варшава, 1899; *Голубцова М. А* К вопросу об источниках древнерусских хождений во Св. Землю. «Поклоненье св. града Иерусалима» 1531 г. М., 1911. С. 28—32; *Рождественская М. В.* Иерусалим и Святая Земля в древнерусских библейских апокрифах // Православный Палестинский сборник. М., 2007. Вып. 105. С. 178—183 (далее — ППС). См. также анализ апокрифического пласта в описаниях отдельных паломников: комментарии А. С. Норова к тексту «Хождения» игумена Даниила (Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII века. (1113—1115 гг.) / Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864), С. П. Розанова к «Перегринации» Ипполита Вишенского (Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. (1707—1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова. СПб., 1914. С. XXXV—XXXVIII. (ППС. Вып. 61)), а также рецензию на это издание В. П. Адриановой-Перетц (*Адрианова В. П.* Пелгримация Ипполита Вишенского в новом издании Православного Палестинского общества. Пг., 1915. С. 21—31) и ее исследование палестинской легенды в «Хождении» Арсения Солунского: *Адрианова В. П.* Хождение Арсения Селунского. (Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца). СПб., 1913. 11—21; *Гюрова С.* Разказът на Солунския дякон Арсений в контекста на гръцката и руската поклонническа проза през XIV — XVII век. (Текстологично проучване) // Palaeobulgarica. 1991. № 1. S. 96—108. Среди исследований последнего времени отметим работу итальянского ученого М. Гардзанити: *Garzaniti M.* Les apocryphes dans la litterature slave ecclesiastique des pelerinage en Palestine // Apocrypha. 1998. Vol. 9. P. 157—177.

[2] *Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. С. 4.

ния». В исследовании поэтики этой формы, начатом Н. И. Прокофьевым в середине прошлого века,[3] уделяется большое внимание формальным признакам жанра и их трансформации, но легендарный и апокрифический материал вынесен за рамки такого изучения. Палестинская легенда в паломнических описаниях большинством исследователей воспринимается как статичный материал, не подверженный изменениям, в отличие от других жанровых признаков «хождения». Если рассматривать этот материал в диахроническом аспекте, то можно проследить изменения в передаче одного и того же легендарного сюжета паломниками разных эпох, понять причины выбора палестинских легенд странниками разного времени, а значит, оценить актуальность одних сюжетов и невостребованность других. Возможности такого исследования продемонстрируем на примере бытования в отечественной паломнической литературе апокрифов о Крестном древе.

* * *

Так называемые Крестные легенды (или апокрифы о Крестном древе)[4] представляют собою ряд легенд, рассказывающих о древе, из которого был сделан крест для распятия Христа. Русской книжной культуре они известны по разным источникам: из Палеи исторической, где читается легенда о древе Лота; в более поздней Сокращенной Палее русской редакции рассказано о древе Моисея; из апокрифа «О крестном древе, о дву кресту разбойничю и о лбе Адамли», приписываемого Григорию Богослову, из «Слова о древе спасенного креста» Севериана, епископа Гевальского;[5] сюжет о крестном древе также читается в составе «Беседы трех святителей», в Евангелии Никодима и в других памятниках.[6] Как показывают исследователи, русские переводы Крестных легенд восходят к еврейским и греческим сочинениям, оригиналы которых не всегда сохранились. Одну из легенд Крестного цикла, рассказывающую о черепе Адама, погребенного под Голгофою, фиксирует старший памятник русской паломнической литературы «Хождение» игумена Даниила, но всей апокрифической истории произрастания и обретения древа для креста наш древнейший паломник не знает, хотя его хождение и сохранило рассказ о паломничестве в монастырь Святого Креста и его описание: «И отъ того мѣста до честнаго Креста есть верста едина; и есть мѣсто за горою, на западъ лиць отъ Иерусалима, и на томъ мѣстѣ посѣченъ есть подножекъ Христовъ, на немъ же пригвоздиша пречистѣи нозѣ Господа нашего Иисуса Христа. И есть мѣсто то градомъ одѣлано, и посредѣ града того создана есть церкви, велика вверхъ, во имя честнаго Креста, исписана есть добрѣ вся. И подъ великымъ олтаремъ, подъ трапезою глубоко, и есть пень древа того честнаго. И утвержено есть вельми, и покрыто есть надъ пнемъ тѣмъ дъсками мрамора бѣлаго. И оконце продѣлано противу древу тому, и есть кругло. И то есть монастырь ивѣрьскый».[7]

---

[3] См.: *Прокофьев Н. И.* 1) «Хождения» как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1968. Вып. 288 (Вопросы русской литературы). С. 3—24; 2) Русские хождения XII—XV вв. // Там же. М., 1970. Вып. 363 (Литература Древней Руси и XVIII в.). С. 3—264; 3) Язык и жанр. Об особенностях языка древнерусских хождений // Русская речь. 1971. № 2. С. 16—25.

[4] См.: *Каган М. Д.* Апокрифы о крестном древе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 60—66.

[5] Публикацию текстов см.: *Порфирьев И. Я.* Указ. соч. С. 96—99, 101—103.

[6] Там же. С. 65. Отметим, что в ряде случаев оба произведения включаются в сборники с «Хождением» игумена Даниила, см.: *Рузский Н. В.* Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую Землю русского игумена Даниила в начале XII века // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1891. Кн. 3. С. 40, 58, 91, 96; *Сидоров Н. И.* Рукописи Императорской Археографической комиссии. Первое прибавление // Летописи занятий Императорской Археографической комиссии за 1904 г. СПб., 1907. Вып. 17. С. 9.

[7] Житье и хоженье Даниила, русскыя земли игумена. 1106—1108 гг. / Под ред. М. А. Веневитинова. СПб., 1883. С. 82—83 (глава «Идѣже взрасте честное древо»). (ППС. Вып. 3).

Устроение монастыря Креста христианская традиция связывает с местом, где произрастало древо, из которого был сделан крест для Христа. По легенде, место было определено еще царицей Еленой в IV веке. Первая базилика, воздвигнутая на нем, датируется исследователями поздним византийским периодом, VI веком. Сам монастырь основан царем Багратионом в 1040 году по указу грузинского царя Марьяна I, получившего эту землю еще от императора Константина в IV веке; нынешнее здание обители построено Георгием II и грузинами-иверийцами в XIII веке. По другой версии, монастырь основан императором Юстинианом.[8] Одна из Крестных легенд основание монастыря связывает с местом произрастания дерева, посаженного Лотом после разрушения Содома. Это сказание, у некоторых поздних паломников называющееся «Лотовым знамением», впервые в русской паломнической литературе передает русский перевод 1531 года греческого проскинитария «Поклоненье св. града Иерусалима»: «От Ерусалима на западную страну 2 поприща есть монастырь Честнаго Креста, гдѣ посади Лотъ 3 главни, принесена от Египта, прорастоша 3 древа — кипарис и певгъ и кедръ, и от того древа учинен бысть крестъ, на нем же распят бысть Христосъ».[9]

М. А. Голубцова, исследовательница памятника, высказала мнение, что краткая редакция апокрифа о Крестном древе, читающаяся в этом проскинитарии, может быть возведена к «Слову о древе спасенного креста» Севериана Гевальского,[10] рассказывающему о Лоте, на которого в искупление греха была наложена епитимья: выращивать из трех главней дерево, впоследствии срубленное для построения храма Соломона. Казавшееся на земле длинным, поднятое на крышу, оно становилось коротким, из-за чего дерево не было использовано в строительстве храма, а по приказу царя Соломона положено в церкви, где служило скамьей. Царица Савская, придя к Соломону, отказалась на него сесть, провидя, что на нем будет распят Христос. Наблюдение М. А. Голубцовой о зависимости апокрифической заметки о Крестном древе из «Поклоненья св. града Иерусалима» от Слова Севериана Гевальского можно оспорить. Обратим внимание на деталь, оставленную исследовательницей без комментария: указание в тексте на Египет как место обретения Лотом трех главней; в Слове Севериана Гевальского таковое отсутствует,[11] но в апокрифе, известном как «Слово святого Григория Богослова о честном кресте», рассказано, как Авраам отправил Лота принести три главни из Нила.[12] В древнерусской книжности Слово Григория Богослова, по наблюдениям исследователей, становится известно с конца XIV века, Слово Севериана Гевальского получает распространение чуть позже: рубежом XV—XVI столетий датируются ранние списки памятника.[13]

Текстуальной зависимости от обоих памятников рассказы наших паломников не имеют: сходство с ними, как и с другими памятниками, передающими исто-

---

[8] Подробно о монастыре Креста см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 313—316; *Торик И.* Энциклопедический путеводитель по Израилю. Иерусалим, 2008. С. 183—185.

[9] *Голубцова М. А.* Указ. соч. С. 55.

[10] Там же. С. 29. М. А. Голубцова подчеркивает, что традиционно в проскинитариях только отмечено место, где срублено Честное древо, а сам апокриф не приводится (Там же. С. 30).

[11] В Слове Севериана Гевальского епитимья, наложенная Авраамом на Лота (в тексте «нѣкоего мужа», без имени (!)), звучит так: «...аще хощеши брате божественое умолити, три главня принеси ми. Мужъ же повелѣнное вскорѣ сътвори. И якоже от растоаниа пол поприща единого обоихъ рѣкъ отшедшу» (имеется в виду Иордан, о котором было рассказано в Слове ранее. — *И. Ф.*) (*Порфирьев И. Я.* Указ. соч. С. 101—102).

[12] «Егда согреши Лот и прииде ко Аврааму на покаяние, егда же слыша Авраам грех его, и ужасеся велми и пусти Лота, да погибнет, и рек ему: иди, принеси огня, иже в Ниле реце. И шед Лот, обрете звери спяща, и взятъ три главни, и принесохъ ко Аврааму» (Там же. С. 96—97).

[13] *Каган М. Д.* Указ. соч. С. 63—65.

рию Крестного древа, обнаруживается только на уровне сюжета. Его паломнические «хождения» тоже передают по-разному, очевидно завися от используемого источника, установить который в большинстве случаев достаточно трудно, так как Крестные легенды имели не только богатую письменную традицию, к которой, перерабатывая свои записи, могли обращаться паломники, но и пересказывались гидами-проводниками, сопровождавшими странников.[14] Устное происхождение апокрифических легенд в составе паломнических рассказов предполагал еще И. Я. Порфирьев, обративший внимание на то, что ни один из наших средневековых паломников в своих описаниях «не указывает ни на какую апокрифическую книгу, а форма речи и вся обстановка рассказа дают знать, что сообщаемые ими сведения взяты не из книг, а из тех устных рассказов, которые они слышали во время самого посещения описываемых мест».[15] Это наблюдение И. Я. Порфирьева верно как для восточнославянской паломнической традиции, так и для греческих проскинитариев, переводы которых на русский язык сохранились в списках XVI—XVII столетий.[16] Так, в русском переводе Евфимия Чудовского «Проскинитария» Арсения Каллуди Крестная легенда передана следующим образом: «Во святомъ олтари подъ святою трапезою есть скважня кругла, и есть мѣсто, идѣже насадися и возрасте жизнодательный садъ всесвятое древо честнаго Креста, еже прежде царь Соломонъ вложи во единъ мостъ, да преходятъ человѣци, горятъ надъ скважнею кандила 10 предъ иконою Креста».[17] Однако в греческой традиции этот апокриф можно встретить еще раньше, с начала XV столетия, с проскинитария, известного под названием Аноним Алляция, к тексту которого, по мнению М. А. Голубцовой,[18] так или иначе восходят известные проскинитарии XV—XVII столетий, в том числе и переведенные в Московской Руси: «По направлению к Иерусалиму в двух милях есть монастырь Честного Креста, и под св. престолом есть место, где Лот посадил три головни, которыя выросли в древо. Это самое древо срубили иудеи и сделали крест и распяли на нем Господа славы. Есть храм красивейший с куполом и построенный кругом как бы крепость и имеет дверь железную».[19]

На «греческие книги» как источник Крестной легенды прямо указывает Василий Григорович-Барский: «Повѣсть же, яже вь греческихъ обрѣтается книгахь, есть сицева».[20] Показательно, что сама легенда записана им со слов монахов обители, которую ему и другим поклонникам — «мерхаджам» — рассказывали они «вкратцѣ греческимъ простимь язикомъ» для «умягчения их сердец» во время прошения милостыни для монастыря («якоже есть обичай»), показывая место произрастания древа. Эти слова Барского — еще одно свидетельство бытования апокрифа как в устной палестинской традиции, так и в письменной форме. В «Странствовании» Василия Григоровича-Барского история Крестного древа начинается с

---

[14] Прямое указание на это находим у В. Н. Хитрово: «Много в Святой Земле таких рассказов, в Евангелии их нет, а по преданию, у местных жителей сохраняются и нет причины им не верить» ([*Хитрово В. Н.*]. К животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. СПб., 1884. С. 74). Этими словами, как нам кажется, мог свидетельствовать паломник любой эпохи, выражая свое отношение к слышанной им там легенде.

[15] *Порфирьев И. Я.* Указ. соч. С. 5.

[16] А. Н. Веселовский в рассказах проскинитариев об устроении монастыря Креста видит «соборный характер пересказа» Крестного предания, который «заставляет сомневаться, чтобы сообщенные подробности отвечали какой-нибудь действительной редакции сказания» (*Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1879. Ч. 10. С. 377).

[17] Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуди и напечатал в Венеции в 1679 году, с греческого на славянский диалект перевел Чудовский монах Евфимий в 1686 году (из Синодальной рукописи, № 543) / Под ред. архим. Леонида // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1883. Т. 46. С. 60.

[18] *Голубцова М. А.* Указ. соч. С. 2—3.

[19] Там же. С. 72 (перевод текста М. А. Голубцовой).

[20] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. / Под ред. Н. Барсукова. СПб., 1885. Ч. 1. С. 336.

падения Содома и Гоморры и грехопадения Лота (Быт 19: 24—38): «Вь время западения Содома и Гоморра, егда Богъ огнемь сожже гради тия за преумножившияся ихъ беззакония, и егда праведнаго человѣка Лота сь женою и со чади изводищи оттуду (якоже чтется въ Библии), заповѣданно бистъ имь, да никакоже дерзнуть возрѣти воспять, жена же Лотова не стерпѣ и возрѣ и обратися вь камень слании, иже и доселѣ стоить за Иерусалимомь, близъ Мертваго моря. Оставшу убо тогда отцу сь дщерми двѣма и нощующи, упоиша дщери отца своего Лота и грѣхь сотвориша сь нимъ. Въ утрѣе же, егда отрезвѣ и возвистиша ему дщери о содѣяннѣмь грѣсѣ, тогда печаленъ бивъ много, скорбяше дозѣла, не вѣдий, что творити и каковое би покаяние положити грѣху своему. Пойде же къ Аврааму патриярсѣ и исповѣдася ему и моляше, да и разрѣшить отъ грѣха. И рече ему Авраамь, яко грѣху твоему нѣсть равная эпитемия, токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идетъ вь садь Савековь и возметь тамо три главни отъ онаго огнища, идѣже хотяше сина своего Исаака заклати на жертву Богу, а главнѣ оние да возметь отъ древа разнаго, едину отъ певга, вторую отъ кедра, третую отъ кипариса, и да посадитъ я въ долинѣ оной, идѣже нинѣ Честнаго Креста монастирь стоитъ, внѣ Иерусалима, единъ часъ хождения, да носитъ же на хребтѣ своемъ воду отъ Иордана на лѣто едино трижди и поливаетъ оние главни, еже есть седмь часъ расстояния, и сице да творитъ чрезъ три лѣта. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оние главни оживутъ и возрастуть вь древо, тогда разумѣй, яко отпущенъ ти есть грѣхь отъ Бога. Се же все бисть волею божественною и предьувидѣниемъ всемогущаго Творца, нашего ради спасения. Сотвори же праведний Лотъ повелѣное ему, аще и не совершенно: заповѣда бо ему Авраамъ, да аще кто отъ него воспроситъ пити на пути, никакоже да возбранитъ ему, но абие да даст; аще кто напиется отъ води тоя, да не несетъ ю къ тому на поливание главень онихь, но да излиетъ вонъ и паки идетъ къ Иордану и возметъ другую, да ни отъ кого же начатою водою поливаеть древа оние. И тако праведний Лотъ, творя повелѣнное ему, многий трудь понесе чрезъ три лѣта, всегда бо или человѣкъ, или жена, или отрочище просяше отъ него на пути води. Се же бистъ частию отъ случая, найпаче же отъ врага диявола, пакостящаго намъ въ спасении нашемъ, иже наводящи множицею мужа или жену и творяше препятие покаянию Лотовому. Трудящися же сице чрезъ три лѣта, дважди точию неначатаю водою полия главни оние, обаче Богу, видящи его истинное покаяние, сотвори приятися и ожити главнемь тѣмь, и тако сцѣпившися въ купу три, возрасте древо едино отъ певга, кедра и кипариса, отъ него же жидове содѣлавше крестъ, роспяше на немь Господа нашего Иисуса Христа. Таковая азъ тогда слышавши, много чудихся прекрасной повѣсти оной и благодарствовахъ Богу вь сердци своемь, яко сподоби мя самовидцемь бити толъ преславнихь и достослышаннихь вещей. Тогда, кто хотяша и можаше отъ хадзѣевь, ущедри милостинею обитель святую».[21] Благодаря этому свидетельству Василия Григоровича-Барского и учитывая консерватизм паломнической практики, поддерживаемой веками, можно говорить, что и большинство других паломников, записавших в свои «хождения» Крестную легенду, воспроизводили ее со слов своих проводников.

Возвращаясь к ранней фиксации апокрифа о Крестном древе в русском переводе 1531 года «Поклонения святого града Иерусалима», следует особо подчеркнуть, что он отсутствует у наших средневековых паломников, которые, как и игумен Даниил, посещали монастырь Креста, но Крестную легенду не приводили. Очевидно, она не была тогда актуальна для палестинской традиции. Так, в «Ксеносе» иеродиакона Зосимы (паломничество 1420 года) сообщено: «...поидохъ въ монастырь иверский, идѣже усѣчено древо кресту Господю; то бяше мѣсто подъ престоломъ, еже знати и донынѣ».[22] В «Хождении» Василия Гагары (1634—1637): «Да близъ

[21] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока... Ч. 1. С. 336—338.

[22] Хожение инока Зосимы / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. С. 22 (ППС. Вып. 24).

Иерусалима, отъ града два поприща, гдѣ дѣланъ крестъ Господень, на немъ же плотно пострада, и на томъ мѣстѣ стоитъ монастырь Воздвижения честнаго Креста, а въ немъ живутъ грузинския власти и мнихи».[23] В «Хождении» иеродиакона Ионы Маленького (1649—1659): «...а отъ святаго Сиона къ полунощной же странѣ за горою вдалѣе версты монастыръ Животворящаго креста Господня: на томъ мѣсте посѣчено было древо изъ нево же сдѣланъ бысть крстъ Христовъ. Есть пень того древа подъ святою трапезою, окладенъ мраморомъ, и три кандила горятъ; и въ томъ моностырѣ нынѣ живутъ иверы, а называется церковь Честнаго креста».[24] Не зафиксирована Крестная легенда и у известных русских послов-паломников XVI века Василия Познякова и Трифона Коробейникова, в «Хождения» которых, как известно, вошла значительная часть текста «Поклонения св. града Иерусалима». У Василия Познякова читаем: «На полуношную страну стоит монастырь Воздвижение Честнаго Креста, на нем же Христосъ распятся».[25] В «Хождении» Трифона Коробейникова отмечена связь монастыря с местом возрастания древа Креста: «На полунощную страну монастырь стоитъ Воздвиженье честнаго креста, *гдѣ росло древо животворящаго креста*, на немъ же Христосъ распятся»[26] (курсив мой. — *И. Ф.*). Можно предположить, что монастырь эти паломники не посещали, во всяком случае, Василий Позняков. Такое предположение позволяет сделать его рассказ о Синае, в котором сказано, что в Синайском монастыре Святой Екатерины, откуда потом паломники отправились в Иерусалим, патриарх Софроний показал монастырские реликвии, среди них было «животворящее дрѣво, — цветомъ недобре, черно, кабы серо; немного его, с невеликой черенъ».[27] Поэтому можно думать, что если бы Василий Позняков посетил монастырь Креста, а не просто его видел, то отметил бы связь монастыря с древом Креста, как это сделал князь Николай Радзивилл, посетивший обитель в 1583 году, когда в Иерусалиме был и Трифон Коробейников. Русский перевод его «Путешествия в Святую Землю и Египет 1582—1584 гг.» выполнен в Московской Руси в последней трети XVII века с польскоязычного оригинала: «...къ монастырю святаго Креста Господня приѣхали: по лѣвую страну дороги стоитъ; греки зовутъ монастырь святаго Архангела; прилежитъ къ георгианомъ; уставъ свой имѣютъ, каковъ и въ монастырѣ святаго Саввы есть; безпрестанно тамо ихъ епископъ обитаетъ. Предание есть отъ древнихъ началниковъ прародителей, понеже оттоле бѣ взято древо масличное на крестъ Господень, яко показуютъ диру подъ олтаремъ великим».[28] Примечательны и фиксация предания князем на исходе XVI века, и указание на масличное дерево как древо распятия: оно отсылает к западному варианту Крестного сказания,[29] которого не знают русские паломники ни «старшего», ни нового времени, но которое встречается у западных пилигримов. Так, в описании 1862 года доктора Сеппа[30] находим ссылку на легенду о маслине

[23] Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634—1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1891. С. 59 (ППС. Вып. 33).

[24] Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького. 1649—1659 гг. / Под ред. С. О. Долгова. СПб., 1895. С. 48 (ППС. Вып. 42).

[25] Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи / Подг. текста, перевод и комм. О. А. Белобровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10. С. 84.

[26] Хождение Трифона Коробейникова / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1889. С. 34 (ППС. Вып. 27).

[27] Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи. С. 66.

[28] Похождение в Землю Святую князя Радивила Сиротки. 1582—1584 / Подг. к печати и комм. П. А. Гильтебрандта. СПб., 1879. С. 53 (Приложение к 15 тому «Известий Географического общества»).

[29] *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха. С. 367—424.

[30] «Иерусалим и Святая Земля. Дневник пилигрима по Палестине, Сирии и Египту». Русский перевод дневника сохранился в рукописи РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/I. С. Пономарев называл труд д-ра Сеппа («Jerusalem und das heilige Land») «лучшей книгой в иностранной литературе», но ее перевод на русский язык в изданной ученым библиографии не учтен, см.: *Пономарев С.* Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке и живописи и переводах. (Материалы для библиографии). СПб., 1877. С. 98. № 815.

или кипарисе как древе Креста: «Монастырь носит имя от сказания, что здесь росли маслина или кипарис, из которой был срублен крест Христов».[31] Далее в тексте приведен еще один вариант апокрифа: «У иаковитовъ в Страстную пятницу читается легенда, что Крест Христов был из миндального дерева, которое посадил Адам и Ной взял с собою в ковчег».[32] Происхождение Крестного древа от дерева из Ноева ковчега фиксирует и греческое описание святынь Константинополя, сохранившееся в латинском переводе XII века, с той разницей, что оно древом распятия называет виноградную лозу: «В том же дворце, в храме Михаила Архангела, где находится жезл Моисея и часть милоти Илии пророка, есть виноградная лоза, от которой Ной пил вино. Из ее древесины потом сделали Крест».[33] Греческий первоисточник, положенный в основу латинского перевода, датируется исследователями 1063—1081 годами.[34] Отголосок этой версии Крестной легенды можно услышать и в сообщении Антония Новгородского, посетившего Константинополь в 1200 году: «...и ту стоитъ крестъ въ лозъ Ноевѣ учиненъ, юже по потопѣ насадивѣ...».[35] В более поздних описаниях царьградских святынь русскими паломниками (Стефаном Новгородцем, а также автором анонимного «Описания Константинополя начала XIV века») этой легенды не обнаруживаем. Уникальность этой версии Крестного предания для восточнославянской книжности подчеркивает и традиция православного богослужения, которая древом Креста Христова называет сросшиеся кипарис, певг (средиземноморская сосна) и кедр:[36] «Яко изволил еси распятися на кипарисе и на певге и кедре, плотию совоздвизаем» (Воскресный канон 2-го гласа, песнь 5), в Постной Триоди (среда четвертой недели Великого Поста, утреня, канон Преполовению и Кресту, песнь 7): «Яко кипарис милосердие, яко кедр же благовонную, яко певк истинную любовь приносяще, Господню Кресту поклонимся, на нем славяще Избавителя пригвоздившагося». Об этом же свидетельствует третья паремия на Воздвижение Честнаго Креста. О кипарисе, певге и кедре (либо о «трех главнях», «трех посохах») говорят и Крестные легенды, записанные восточнославянскими паломниками-писателями.

Впервые фиксацию Крестной легенды в русской паломнической литературе находим в «Хождении» Иоанна Лукьянова (1701—1703): «И пришли в монастырь к Честному Кресту, гдѣ честное древо расло. ⟨...⟩ А сказываютъ про то древо: посадил Лотъ три главни по согрешении со дщерми и поливал то древо по повелѣнию Авраамову. И когда Соломонъ сталъ строить Святая Святыхъ, и то древо повелѣлъ ссѣчъ на тябло. И мастеры то древо смѣряли и потянули вверхъ — ано и коротко стало. Они же усумнешася, и отпустиша долу, и смѣряли — ажно и пришло в мѣру; потянули опять — ажно и опять стало коротко. Такъ мастеры познали, что хощетъ быть нѣкое таинство, и положили его к стенѣ — и бысть сѣдалище иудеом. И когда пришла Южская царица к Соломону и Соломонъ нача ея водити по своим царским сокровищам и показовати ей вся церковная здания внутрь ея, тогда Южская царица, когда пришла к честному древу и увидѣла его, и воспела: „О треблаженное древо!" И от того времяни не велѣлъ Соломонъ-царъ на томъ деревѣ садит-

[31] Иерусалим и Святая Земля. Дневник пилигрима по Палестине, Сирии и Египту. РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/I. Л. 226.

[32] Там же.

[33] Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Перевод, предисловие и комментарий Л. К. Масиеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 1996. С. 440.

[34] Там же. С. 431.

[35] Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского, в 1200 году / Под ред. Х. М. Лопарева. СПб., 1899. С. 20 (ППС. Вып. 51).

[36] Обратим внимание на то, что все породы деревьев, называемые разными вариантами Крестного предания, действительно произрастали в Палестине, см., к примеру, об этом: *Архангельский В.* Святая Земля // Иерусалим и Святая Земля: Сборник статей по палестиноведению из журнала «Православный собеседник» за 1907 год, изданный к юбилею Императорского Православного Палестинского общества 21 мая 1907 года. Казань, 1907. С. 62—64.

ся, и с того числа бысть то древо в чести у иудеовъ. И когда жиды стали Христа распинать, и повелѣша ис того древа здѣлать Крестъ Христовъ, на нем же распяша Господа Славы. И тотъ пень в той церкви стоит, и доднесь целъ, и сребромъ обложенъ, и позлащенъ».[37]

Сообщение Крестной легенды, записанной Иоанном Лукьяновым, об использовании древа в храме Святая Святых как «сѣдалища иудеом» будут приводить и некоторые из последующих восточнославянских паломников. Вариативна по отношению к нему латинская версия предания, читающаяся в «Описании Святой земли» Ансельма Поляка, переведенном на русский язык, очевидно, в конце XVI века.[38] Его текст рассказывает об использовании Крестного древа в виде мостка через ручей Кедронской долины: «На томже мѣсте того потока, гдѣ есть той мостъ каменный, царица Савва, видѣвши древо, и уразумѣ, яко на томъ древѣ Спасъ мира повѣшенъ быти имѣлъ, ис коего древа в то время сотворенъ бысть мостъ преходящимъ. Тѣмъ она, егда ѣха слышати премудрости Соломоновы, тамо преходити не восхотѣ, но инымъ мѣстомъ во градъ вниде. Егда же в домъ возвратися, о томъ древѣ царю Соломону втай возвѣсти, его же Соломонъ скрыти повелѣ» (РНБ. Q.XVII.147. Л. 51 об.).

Начиная с петровского времени можно говорить о том, что воспроизведение Крестного предания в описаниях восточнославянских паломников становится традицией. Так, Андрей Игнатьев в «Путешествии из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору в 1707 г.» привел краткую редакцию апокрифа: монастырь Честного Креста, сообщает он, «построенъ на томъ мѣстѣ, идѣже израсте древо, ⟨...⟩ его же возрасти Лотъ, водрузивъ главню за свое прегрѣшение, ношаше воду и от Иордана, то есть часовъ за 12...».[39] Сведений о завещании Авраама Лоту поливать головни, нося воду из Иордана до тех пор, пока они не прорастут деревом, свидетельствующим о прощении его греха, «Хождение» Иоанна Лукьянова, близкое по времени к Путешествию Андрея Игнатьева, не знает, но об этом сообщает Слово Григория Богослова, а Слово Севериана Гевальского говорит, что Лот должен был поливать древо 40 дней.[40] Своеобразное осмысление срока, данного Лоту на исполнение епитимьи, предлагают тексты «Путника» инока Матронинского монастыря Серапиона, посетившего монастырь в 1749 году, и «Странствования» Василия Григоровича-Барского, процитированные ранее. Посетившие монастырь Креста приблизительно в одно и то же время, эти паломники отмечают, что древо Лот поливал три года, исполняя при этом еще одно условие Авраама — поить водой любого, кто ее испросит: «Лотъ хотя исполнити, да прощенъ будетъ отъ грѣха, начатъ повелѣнное ему творити со усердиемъ», — но дьявол, повествует Серапион, являлся ему в образе странника, испрашивая воду, а потому за три года Лот лишь трижды донес ее до места.[41] Таким образом, «Странствования» Василия Григоровича-Барского и «Путник» инока Серапиона можно считать первыми паломническими рассказами, в которых разработан сюжет об исполнении Лотом епитимьи.

---

[37] Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701—1703 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 83—84.

[38] *Голубцова М. А.* Указ. соч. С. 6. Русский перевод польскоязычного оригинала «Описания Святой земли» сохранился в нескольких списках XVII—XVIII вв., см.: *Николаев С. И.* Польско-русские литературные связи XVI—XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 34.

[39] Путешествие из Константинополя в Иерусалим и Синайскую гору находившегося при российском посланнике графе Петре Андреевиче Толстом священника Андрея Игнатьева и брата его Стефана, в 1707 г. // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. М., 1874. С. 34.

[40] Срок, данный Лоту для исполнения епитимии, в предании варьируется: упоминаются также 33 года и 40 лет.

[41] Путник, или Путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона 1749 года // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим. С. 112—114.

Полносюжетная версия «Лотова знамения» читается также в «Путевых заметках» подпоручика Ильи Степановича Сысоева из Старой Руссы, сохранившихся в рукописи РНБ, собр. ОЛДП, Q.623;[42] в «Путешествии к святым местам» 1820—1821 годов Кира Бронникова;[43] внес ее в свой дневник и жиздринский купец Анисим Симоченков, называвший «палестинские предания» источником своей записи: «Здесь не лишнимъ будетъ написать о Крестномъ древе. По палестинскимъ преданиямъ, Лотъ, спасенный съ семействомъ отъ гибели Содомской, приходилъ ко Аврааму и исповедовалъ ему случившееся с нимъ искушения. Авраамъ из огня взялъ три головни, которыя были кипарись, кедръ и певкъ, и отдалъ ихъ Лоту, своему племяннику, и велелъ посадить ихъ и тщательно поливать, уверяя его, естли оне будутъ расти, то сие будетъ знамение прощение греховъ его. Лотъ со усердиемъ исполнялъ повеления дяди своего, и Богу было сие угодно — головни ети начали расти и срaслись въ одно дерево, которое существовало на корени до построения храма Соломонова. А какъ древа были нужны на построения того храма, то и сие древо было срублено и привезено во Иерусалимъ. Однако же оказалось не способнымъ и было оставлено вне храма вместо седалища. Когда же евреи вздумали распять Христа, искали древа, ис какого зделать тяжелый Крестъ, и, по произволу Божию, усмотрели сие древо, лежало ненужное. И разсудили изъ его зделать Крестъ, на которомъ и распятъ былъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ. Посему-та таинственная наша церковь и воспеваетъ ирмосъ кресту, песнь 4-я, „О треблаженное древо! и пр[очее]", потому что оно выросло изъ трехъ древъ» (РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135—135 об.).

Тиражирование «Лотова знамения» в текстах наших паломников XVIII—XIX веков, на наш взгляд, может быть связано и со стенной росписью церкви Святого Креста, на которой в южной стороне собора сохранился цикл фресок, изображающих историю Лота, выращивающего древо.[44] Об этой связи свидетельствовали и некоторые из поздних паломников, о чем рассказал в своих «Путевых впечатлениях» архимандрит Иннокентий: «...по указанию 84-х летняго старца-молдаванина (бывшаго полковым священником у Дибича в 1831 году) мы спустились под престол, и здесь нам представилось и самое место древеснаго корня, а при нем дано нам ароматическое кропление. Благоговѣйно поклоняясь месту, освященному древним преданием, сообщенным от древняго старца экономa Иоанна, *мы вышли опять в храм и там по стенному письму добрались до той повести, которая гласит*, что Авраам дал Лоту головню и велел ее поливать по эпитимии за грех. Из нее выросло трехствольное дерево, но почему-то не пригодилось на срубку в дело, а так брошено в овчую купель или водоем, и вот уже для устройства креста на распятие Господа взято из воды как бы для большаго отягчения крестнаго ига великому и первому в мире Крестоносцу»[45] (курсив мой. — *И. Ф.*). На отражение в росписи соборного храма монастыря известного апокрифического сюжета указывали и ученые-паломники А. Н. Мураьвев[46] и архимандрит Леонид (Кавелин): «Легенда эта имеет несколько различных между собою редакций. Избираем ту из них, которая более соответствует живописному изображению ея на стенах соборного храма Крестного монастыря, а следовательно, и древнее».[47]

---

[42] Ср.: «Название монастыря Крестнаго потому, что на томъ месте построены, где древо было вырощено, с котораго Крестъ животворящий зделаный. А древо было посеченное царемъ Соломономъ. А вырощенное праведнымъ Лотомъ, поливанное Иорданскою водою въ три года. Могъ одинъ разъ полить потому, что воду просящие на дороги выпивали въсю, почему не могъ доносить для поливу до трехъ Лотъ» (л. 45—45 об.).

[43] Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Киром Бронниковым. М., 1824.

[44] О фресках церкви Святого Креста см.: *Вирсаладзе Т. Б.* Роспись иерусалимского Крестного монастыря и портрет Шота Руставели. Тбилиси, 1973. С. 24.

[45] *Иннокентий, архим.* Путевые впечатления при посещении и поклонении святым местам Палестины в 1872 году. СПб., 1883. С. 58.

[46] *Муравьев А. Н.* Путешествие ко святым местам в 1830 году. СПб., 1835. Ч. 2. С. 214.

[47] *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. С. 315.

Роспись храма датируется исследователями XI столетием,[48] в начале XII века она впечатлила игумена Даниила, подчеркнувшего, что церковь «исписана есть добрѣ вся». Но сами сюжеты храмовой росписи наш древнейший паломник, как и последующие писатели-паломники, не упоминал. У Иоанна Лукьянова читаем об этом: «В монастыре церковь зѣло предивна, писмо в ней стенное».[49] Ипполит Вишенский выразил свое впечатление от нее так: «Церковь прекрасная, изъ верху до низу вималиованая, муровалъ царь грузинский».[50] Инок Серапион писал, что церковь «зѣло украшена, вся иконнымъ изображениемъ списана...»[51] Очевидно, воедино апокрифическую историю и роспись храма связывали в своих рассказах «вожи», передававшие богомольцам «Лотово знамение». Почему же тогда Крестную легенду наши паломники не приводят ранее начала XVIII века? Ведь и до этого времени паломнические обходы совершались с гидами-проводниками. Причина, на наш взгляд, кроется в исторической ситуации, сложившейся в монастыре Святого Креста в конце XVII века.

Начавшееся еще в XVI столетии, после перехода в 1517 году Палестины под власть турок, ухудшение экономического положения монастыря Святого Креста привело к тому, что удержать обитель к концу XVII века иверийская община, которой она принадлежала на протяжении столетий, уже не могла: долги кредиторам помогла выплатить Иерусалимская православная патриархия во главе с патриархом Досифеем, тогда же освобожденный от всех закладных монастырь перешел под юрисдикцию Иерусалимского патриархата, а в начале XVIII века патриарх Досифей восстановил монастырь Святого Креста.[52] Обратим внимание еще на один момент в многовековой истории храма: во время владения монастырем мусульманами (1273—1305 годы), превратившими его в мечеть, часть храмовой росписи была соскоблена. Более всего пострадали фрески, расположенные в нижнем регистре, среди которых — и «Лотово знамение», изображенное в нижней части алтарной абсиды под композицией «Введение во храм».[53] В 1643 году грузинской общиной храм был отремонтирован, поновлена старая роспись и добавлены новые фрески.[54] Возможно, все эти события, а главное — переход монастыря в руки Иерусалимского патриархата, способствовали активизации в начале XVIII столетия паломнической практики в обитель православных христиан и распространению среди них именно предания «Лотова знамения».

Памятью о «Лотовом знамении» и примером его тиражирования палестинской традицией в XVIII—XIX столетиях могут служить и иконы-евлогии «Топография Палестины». Эти распространенные палестинские реликвии благодаря удобству перевозки были популярны среди наших странников: иконы писали маслом на холсте небольшого размера (формат варьировался от 75,5×93,0 см до 92,0×145,0 см),[55]

---

[48] *Вирсаладзе Т. Б.* Указ. соч. С. 12.

[49] Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 83.

[50] Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 94.

[51] Путник, или Путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона. С. 114.

[52] Подробнее об этом см.: *Каптерев Н. Ф.* Господство греков в Иерусалимском патриархате с первой половины XVI до половины XVIII века // Каптерев Н. Ф. Собр. соч. М., 2008. Т. 2. С. 712—740; *Цаферис В.* Путеводитель православного христианина по местам паломничества Святой Земли. Израиль, 2009. С. 134.

[53] См.: *Вирсаладзе Т. Б.* Указ. соч. С. 36.

[54] Там же. С. 12, 36, 46. По свидетельству архим. Леонида (Кавелина), в XIX веке монастырские фрески были в такой плохой сохранности, что греки, принимая паломников, говорили им, «что если кто-либо из могущих не возобновит уже значительно попорченную стенную живопись, они будут вынуждены закрасить ее вовсе» (*Леонид (Кавелин)*, *архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. С. 316).

[55] См.: *Пятницкий Ю. А.* Паломническая евлогия «Топография Палестины» // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. тр. / Под ред. В. Н. Залесской. СПб., 2001. С. 82; Тысяча лет русского паломничества: Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е. М. Юхименко. М., 2009. С. 129. № 309, 310.

сворачивали в рулон и уже на месте натягивали на деревянные подрамники. Специалисты обращают внимание на устойчивость традиции изготовления таких реликвий: «...на протяжении десятилетий сохранялись как общая композиция, так и отдельные сюжеты, детали, колористическое решение. Подписи на греческом языке в некоторых случаях продублированы русской скорописью».[56] В художественной программе евлогий обязательным было изображение «Лотова знамения», помещаемое в нижней части иконы. При всей традиционности композиции евлогий, в воспроизведении ими истории произрастания Честного древа, как и в паломнических рассказах, наблюдается вариативность. Так, на старшей (конец XVIII века) из сохранившихся в собраниях отечественных музеев икон «Топография Палестины» (ГМИР. Инв. № А-1645-IV)[57] апокрифическому сюжету предшествует изображение в левой части композиции построек монастыря Честного Креста; далее изображен Лот, поливающий древо, его искушение дьяволом, мешающим поливать; изображен сюжет о построении храма Соломоном, для которого и было срублено древо Лота. В иконе, считающейся самым ранним датированным памятником иконографии «Топография Палестины» (ГИМ 38183 И I 3023 1817 г.),[58] «Лотово знамение» начинается сценой наложения Авраамом на Лота епитимьи и передачи ему трех головней; далее изображены сцена взращивания Лотом древа и дьявольские козни ему, а также рубка дерева для храма Соломона. Завершает цикл миниатюр изображение переноса срубленного древа в Соломонов храм. Такой же набор миниатюр, судя по описанию К. Т. Никольского,[59] был помещен на евлогии 1771 года, принадлежавшей музею Археологического общества, и евлогии 1876 года из собрания Эрмитажа.[60] Подчеркнем, что изображение апокрифа на евлогиях следует за фресковой росписью храма.

Распространение «Лотова знамения» в палестинской традиции, отразившееся в описаниях наших странников, практически вытеснило из них другие варианты Крестного цикла, тем ценнее их редкая фиксация отечественной паломнической литературой.

Версию Крестной легенды, связывающую происхождение древа с историей Адама и его сына Сифа, встречаем только у паломников XIX века. Наиболее подробно она пересказана в описании ростовского крестьянина Якима Васильева (паломничество 1818—1819 годов). Ни сам Яким Васильев, ни сохранившийся в собрании А. А. Титова список его Путешествия,[61] пока не привлекали внимания исследователей. Для нас Путешествие Якима Васильева представляет особый интерес, так как этот паломник имел особый вкус к палестинской легенде, о чем свидетельствует и приведенная им версия Крестного сказания: «От западныхъ Давидовыхъ воротъ идти в горы версты 3-ри, есть монастырь Кресной. Повествуютъ, в немъ росло древо на Крестъ Господень, на Адамове могиле», — начинает повествование этот паломник. Рассказом о возрастании Крестного древа на Адамовой могиле начинается и Слово Григория Богослова, заимствующее это сообщение из Апокрифа об Адаме и Еве, но на этом сюжетное сходство рассказа Якима Васильева и Слова Григория Богослова заканчивается. В дальнейшем рассказе Якима Васильева о том, как Сиф ходил в рай, можно проследить близость к упомянутому Апокрифу об Адаме и Еве[62] и к рассказу о Крестном древе в версии «Сказания о

[56] *Перевезенцева Н. А., Юхименко Е. М.* Икона «Топография Палестины» (№ 310) // Тысяча лет русского паломничества: Каталог выставки. С. 129—130.

[57] Там же. С. 129. № 309.

[58] Там же. С. 130. № 310.

[59] *Никольский К. Т.* Греческая икона 1771 года, изображающая город Иерусалим с его окрестностями // Известия Русского археологического общества. СПб., 1881. Т. 10. Вып. 1. Стлб. 38—40. Миниатюры Крестного цикла описаны К. Т. Никольским очень подробно.

[60] *Пятницкий Ю. А.* Паломническая евлогия «Топография Палестины». С. 91, ил. 7.

[61] РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889.

[62] Слово о Адаме от начала и до конца и како изгнан из рая // Порфирьев И. Я. Указ. соч. С. 216.

трех древах Григория Двоесловца».[63] В последующем изложении апокрифического сюжета Яким Васильев с известными памятниками расходится.

Вернувшись, читаем в Путешествии Якима Васильева, Сиф не застал Адама в живых. Горюя по умершему отцу, «и плакавъ много, посади зерна в землю при гробе отца своего», от которых выросли «три леторасли кедрова и кипарисова и певгова». Древо простояло до времени постройки Соломоном Святая Святых, когда оно было срублено, но, поясняет Яким Васильев, «по смотрению Божию не употребися въ здание церковное» и было положено в сенях храма, пока туда не пришла царица Савская: опаленная от него огнем, она пророчествовала о создании креста. Повелением Соломона древо закопали недалеко от Овчей купели; земля со временем осыпалась, и дерево упало в купель, куда ради него раз в год спускался ангел и возмущал воду, давая исцеление первому, кто в нее окунется.[64] Там оно было найдено, и из него сделали крест, «на нем бо Господа распяша и от него спасение изыде», заключает Яким Васильев.

Своего источника сказания о Крестном дереве Яким Васильев не называет, и, как уже было отмечено, с известными в русской книжности апокрифами напрямую он тоже не связан, но литературная обработка передаваемого сюжета, связность и детализированность изложения, его насыщенность диалогами заставляют предполагать, что апокриф не был записан паломником со слуха, а имеет книжный источник. Действительно, в передаче сюжета Крестного сказания Яким Васильев обнаруживает близость тексту «Поучения о четвероконечном Кресте» Димитрия Ростовского, в котором также воспроизведена Крестная легенда, но непосредственным источником рассказа нашего паломника Поучение Димитрия Ростовского не было. Не только текстуально, но и сюжетно они расходятся в передаче пророчества царицы Савской, оформленного в форме диалога царицы и народа в Путешествии Якима Васильева и пересказанного без подробностей в версии апокрифа Димитрия Ростовского. Ср.:

Путешествие Якима Васильева

А о древе пишется: «От котораго древа преступление, от него и спасение». Когда Адама, Еве изъгна, и рече ему: «Во время приидеши ты къ болезни. Приди или пришли паки в рай для врачевания болезни твоея». И когда Адамъ прииде къ старости своея и возлеже на одре болезни своея, посла сына своего Сифа ко ангелу, хранящему рай, просити врачества ради здравия и продолжения жизни на земли. Ангелъ же Божиимъ повелениемъ от древа заповеданнаго в раю, от негоже Адамъ вкусифъ, преступи заповедь Божию, даде ему три зерна. Сифъ же от ангела тыя зерна приемши, возратися ко отцу своему Адаму и не обрете его в живыхъ, но умерша и погребена. И плакавъ много, посади зерна в землю при гробе отца своего. И от техъ зернъ возрастоша три леторасли кедрова и кипарисова и певгова. Таже по многихъ летъ древа оные срастошася во едино древо: от корени едино древа, въверху же ветви особь разделишася натрое. И пре-

Димитрий Ростовский. Поучение о четвероконечном кресте

Крестъ святый, на немже Христосъ бѣ пригвожденъ, содѣланъ бяше отъ древа пальмова (сиесть, финикова) и кедрова и кипарисова. О коемъ древѣ повѣствуютъ церковныи сказатели, яко Адамъ, егда разболѣся къ смерти, посла сына своего — Сифа, къ Раю, просити отъ Ангела врачевства, соблюдения ради здравия, и продолжения ради жизни своея на земли; Ангелъ даде ему три зерна. Приемши Сифъ, возвратися ко отцу своему Адаму и уже не обрѣте его въ живыхъ, но умерша и погребена, посади убо зерна тыи при гробѣ отчемъ; отъ тѣхъ зернъ прозябоша три лѣторасли: пальмова (сиесть, финикова), кедровая и кипарисная. Таже лѣторасли тыи три срастошася въ едино древо велие, и пребысть то древо даже до дней царя Соломона. Созидаемой же бывшей церкви Святая Святыхъ во Иерусалимѣ от Соломона, и многимъ древесамъ изряднымъ, отвсюду бывшимъ приносимымъ, посѣчено бысть и оное древо,

[63] Там же.

[64] В этой части изложение Крестного предания Якимом Васильевым отсылает к рассказу Евангелия от Иоанна об исцелении Иисусом Христом одного из больных, лежавших в крытых галереях у бассейна «Овечья купель» и ожидавших возмущения ангелом воды. По поверью, кто успевал, когда вода забурлит, первым сойти в воду, получал исцеление (Иоан. 5: 1—9).

бысть то древс до дняй царя Соломона. Соломонъ же во Ѥерусалиме строивъ церковь Святая Святыхъ и собиравъ древа негниющие. И посечено бысть оное древо, яко изрядное, и во Иерусалим къ зданию привезено. И по смотрению Божию не употребися въ здание церковное — на ином бо месте бываше долго, на иномъ же коротко. Того ради древо то оставлено, вытесанное брусомъ, и по окончании церкви положено в сенехъ при стене церковной в седалище приходящим людем и почити от труда хотящим. Егда же царица Савска, именем Никавля — едина от древнихъ пророчицъ — прииде во Иерусалимъ видети Соломонову премудрость, та разъсмотряя пречудное церковное здание, хотяше почити на оное древо. И опали ея огнь, бяше бо на ней в то время женская немощь бысть, возгласе и пророческим духом прорече: «О, о треблаженное древо, на немъже расъпнетса Христосъ Господь». Хотящися она рещи: «О, о треклятое древо!», — но Духъ Святъ уста ей прорече: «О, о треблаженное древо!» Того ради повелением царя Соломона древо оное закопано бысть в землю глубоко в горе противу Овчей купели, но по многихъ летехъ земля объсыпашеся съ горы от воды, и Божим строением древо оное изыде изъ земли и по воде купели Овчия плаваше, коего ради древа ангелъ Господень на всяко лето съхождаше в купель оную и возмущаше воду, то бо древо омывая и отираше и подавашеся изъцеление, иже первее влязаше по возмущении воды окунется, здравъ бываше.

Егда же жидове емше Христа и Пилату на распятие предавше, искаше древа тяжчайшага на крестъ, и увидевше оное древо въ воде купели Овчия водою намоченное, изъвлекоша его оттуду и вѣдаша на соделание изъ него креста Господня, иже толь тяжекъ бе, яко нужда бяше, да кто въ ношени Христу поможетъ. И задяша Симону Киринейску понести крестъ Господень: на нем бо Господа распяша и от него спасение изыде.

(РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 15—16)

яко изрядное, и въ Иерусалимъ къ зданию принесено. Но смотрениемъ Божиимъ не употребися въ здание церковное, на иномъ бо мѣстѣ бываше долго, на иномъ же коротко. Того ради древо то положено бысть на овчей купѣли вмѣсто моста, еже преходити по древѣ томъ купѣль.

Егда же царица Савска прииде во Иерусалимъ слышати Соломонову премудрость, та приступльши къ церкви, и узрѣвши на овчей купѣли древо оное, не восхотѣ по немъ идти, и пророческимъ духомъ прорече, яко на томъ древѣ имать Богъ, во естество человѣческое оболченный, умрети. Того ради древо то закопано бысть въ землю глубоко при тойже купѣли овчей, да никогдаже въ руки человѣческия приидетъ; но то по многихъ лѣтѣхъ изъ земли изыде и по водѣ купѣли овчея плаваше. Коего ради древа и Ангелъ Господень на веяко лѣто въ купѣль ону вхождаше, и возмущаше воду, древо то омывая, и подавая цѣльба болящему, первѣе по возмущении воды въ купѣль входящему.

Егда же Христосъ — Господь нашъ естество человѣческое на Ся приемъ, на земли явися, и съ человѣки поживе, жидове, емше Его и къ Пилату на распятие предавше, искаша древа тяжчайшаго на крестъ, дабы тяготу Христу содѣяти. Увидѣвше же прежде помянутое древо, въ воде купѣли овчея водою помоченное, и зѣло тяжко сущее, извлекоша е оттуду, и вдаша на содѣлание изъ него креста толь тяжкаго, яко нужда бѣ, да кто въ ношении того Христу поможетъ: и задѣша Симону Киринейску понести Крестъ Его.

(Сочинения св. Димитрия, митрополита Ростовского: В 5 кн. М., 1840. Ч. 3 (Поучения на разные праздничные дни). С. 481—482))

Источником Крестного предания в «Поучении» святителя Димитрия названо «Слово на Воздвижение честнаго Креста», помещенное в «Ключе разумения» Иоанникия Галятовского «львовского типа», т. е. изданное во Львове.[65] Вероятно,

[65] Речь идет о гомилетическом труде «Ключ разумения, священником, законным и свецким належачый» Иоанникия Галятовского (первое издание Киево-Печерского монастыря, 1659 год). Во Львове «Ключ разумения» издавался дважды: в 1663 году, объединенный под одной обложкой с еще одним трудом Иоанникия Галятовского «Казаня, приданыи до книги, „Ключ разумения" названой», и в 1665 году — отдельным изданием в типографии львовского печатника М. Слезки. Подробнее см.: *Левченко-Комисаренко Т. Л., Пидгайко В. Г.* Иоанникий

что и источник Крестного сказания, использованный в Путешествии Якима Васильева, принадлежит кругу памятников, близких по типу к «Ключу разумения» Иоанникия Галятовского. Возможно, что одним из книжных вариантов апокрифа воспользовался и редактор «Хождения» Трифона Коробейникова, интерполировавший в рассказ этого памятника об Овчей купели повествование о Крестном древе: «...то древо въ той купели Сиамской по единомъ лѣтѣ аггелъ Господень вхождаше въ купѣль и возмущаше воду; и то древо омываше. Егда же обсудили Господа нашего Исуса Христа на смерть беззаконныи иудеи и искаше древа тяшка создати крестъ, — не обрете тяшко древа и обретоша то древо въ купели Силуамской велми тяшко и ажно, извлекоша на создание креста, дабы досадили тѣмъ, которомъ кто имать крестъ его; и обретоша человѣка, Киронеска именемъ, и даша понести крестъ его; отъ того есть созданъ крестъ Господень, ему же слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь».[66] Эту интерполяцию в текст памятника передают два списка Хождения XVII—XVIII веков из собрания Киевской духовной академии: Х. М. Лопарев, обративший внимание на это чтение, считал, что список Киевской духовной академии, № 212,[67] списан с более ранней рукописи из того же собрания, № 211.[68] По классификации Х. М. Лопарева, оба списка принадлежат наиболее распространенной в рукописях простой полной редакции с «некоторыми прибавлениями».[69] И хотя текстуально интерполяция в «Хождение» Трифона Коробейникова и соответствующий сюжет в Путешествии Якима Васильева расходятся, но общая линия в обоих рассказах об Овчей купели прослеживается.

Подчеркнем, что версия Крестного сказания, читающаяся в Путешествии Якима Васильева, встречается в паломнических описаниях крайне редко и текстуально от рассказа Якима Васильева не зависит. Среди паломнических рассказов встречаются тексты, фиксирующие одновременно обе версии Крестного предания, что характерно для «хождений» XIX столетия. Так, в «Странствии» инока Парфения (в миру Петр Агеев) рассказано о паломничестве в Крестный монастырь.[70] Его описание традиционно для паломнических рассказов нового времени: отмечено, что церковь «велика и прекрасна», пол выстлан «мусиею», выстроен храм «грузинскими царями». О главной святыне сказано: «...и ввели прямо в соборную церковь; и мы поклонились на месте, где росло крестное древо, которое срубил царь Соломон». Отмечена в описании Парфения и связь Овчей купели с Крестным древом: «Въ этой купѣли лежало и крестное древо, по свидѣтельству предания».[71] В конце книги инока Парфения, в отдельной главе 198, воспроизводятся оба предания о Крестном древе, известные русской паломнической литературе XVIII—XIX веков: «О семъ древѣ крестномъ, на немже распяся Царь и Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, такия есть два предания».[72] Первым приведен вариант, близкий версии, читающейся у Якима Васильева, об Адаме и Сифе; другой — «Лотово знамение», в именовании автора — «Второе предание, изображенное въ Крестномъ монастырѣ на стѣнахъ въ лицахъ и принимаемое православными палестинскими христианами». Обратим внимание на то, что инок Парфений выделяет именно вторую версию Крестной легенды как основную для «палестинских христиан»,[73] что

(Галятовский), архим. // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 83—84. Легенда о Крестном древе читается в львовском издании 1663 года на л. 325—326.

66 Хождение Трифона Коробейникова. С. 38, прим. 7.

67 По условному обозначению издателя — это список Киевский II (№ 132 валовой нумерации списков памятника). См.: Там же. С. LIX.

68 Там же. С. XLIII, № 23.

69 Там же.

70 *Парфений* [*Агеев Петр*]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле. М., 1855. Ч. 4. С. 63.

71 Там же. С. 36—37.

72 Там же. С. 293—295.

73 Напомним о том, что Слово Севериана Гевальского, фиксирующее «Лотово знамение», включено в Великие Минеи-Четьи митрополита Макария на 14 сентября, праздник Воздвижения Честного Креста.

не только нашло отражение в описаниях русских паломников конца XVII—XIX века, но и получило тиражирование в практических руководствах для наших богомольцев, широко распространенных в XIX столетии.[74] Оба варианта Крестного предания находим еще в одном описании паломничества XIX столетия под названием «Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам, или Путевыя записки», принадлежавшем безымянной монахине из Брянского уезда Орловской губернии.[75] По традиции паломница вспоминает о них при посещении монастыря Креста: «Потом нам дали свечи и повели темными сводами к тому месту, где росло животворящее древо Креста Господня. Корень его до сих пор виднеется под алтарем храма. Предание об этом древе вот что гласит...»[76] И далее пересказано предание о Сифе, ходившем за головнями к Ангелу Господню, и «Лотово знамение».

Помимо предания о трисоставном древе, из которого сделан Крест Христа, в книжной традиции сохранился апокриф и о трех древах — «Сказание о трех древах Григория Двоесловца. О кресте честнем и о двою кресту разбойнических».[77] В восточнославянской паломнической литературе эта версия Крестного сказания распространения не получила. Только в «Хождении» 1704 года иеромонахов Новгород-Северского монастыря Макария и Сильвестра содержится намек на то, что Крестное древо было не одно: «...а престолъ во той церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ *тѣ древеса стояли*»[78] (курсив мой. — *И. Ф.*).

Одновременно с распространением в паломнической литературе нового времени Крестных преданий некоторые писатели-паломники этого периода продолжают использовать повествовательную модель старших «хождений»: рассказывая о монастыре, они не воспроизводят само предание, как например в Перегринации Ипполита Вишенского: «В той же церкви, где престолъ стоитъ, тамъ животворящое древо изросло, изъ него и здѣлано крестъ Христу. И тамо поклоншеся, пойдохомъ во Иерусалимъ».[79] Сходным образом об этом сообщает и паломница начала XIX века: «Еще отъ Иерусалима разстояние 3 версты монастырь прекраснѣйший, гдѣ древо выросло на крестъ Господень».[80] Отсутствие апокрифа о Крестном древе в описаниях некоторых паломников Нового времени, на наш взгляд, не означает, что они его не знали: обратим внимание на «Путевые записки» иеромонаха Киево-Печерской лавры Иерофея,[81] посетившего Палестину одновременно с жиздринским куп-

---

[74] Приведу пример из «Путеводителя по Святой Земле», изданного в Одессе в 1886 году (Издание св. Ильинского Скита на Афоне): «В алтаре под престолом существует отверстие, соединяющееся с подземною пещерою, в которую спускаются входом, находящимся в северной стороне алтаря. Здесь, говорят, росло и срублено треблаженное древо, на котором распят Иисус Христос. Предание это основано на рассказе одной апокрифической сирийской летописи о насаждении здесь Лотом трех стволов: сосны, кипариса и кедра, из которых выросло „тресоставное" дерево, из которого был сделан Крест. ⟨...⟩ Это апокрифическое предание, принятое отцами церкви и св. Иоанном Дамаскиным и другими песнотворцами христианской церкви, послужило поводом учреждения здесь монастыря и наименования его — „монастырем Честнаго Креста"» (с. 200—201). См. также: «Святая Земля. Прошлое и настоящее Палестины» (СПб., 1889. С. 119—120), «Путеводитель по святому граду Иерусалиму и вообще по святым местам Востока, составленный иеромонахом Пахомием в пользу русского Ильинского скита на Афоне» (Одесса, 1862. С. 55).

[75] Путешествие в Иерусалим на поклонение святым местам или путевыя записки. СПб., 1866. С. 179—180.

[76] Там же. С. 179.

[77] Текст см.: Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н. Тихонравовым. СПб., 1863. Т. 1. С. 308—313.

[78] Путь иеромонахам Макарию и Селиверсту из монастыря Всемилостивого Спаса Новгородка Северского до святого града Иерусалима поклонитися гробу Господню 1704 году // Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени. С. 11—12.

[79] Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 94.

[80] Путешествие во святый градъ Иерусалимъ села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны 1819 года (РНБ. Собр. А. А. Титова. № 1307. Л. 35).

[81] Дневныя заметки во время путешествия по святым местам Востока Киево-Печерской лавры иеромонаха Иерофея в 1857 и 1858 годах. Киев, 1863. С. 96—97.

цом Анисимом Симоченковым. 12 января 1857 года оба паломника побывали в монастыре Креста, но если Симоченков записал в своем дневнике Крестную легенду, то в описании иеромонаха Иерофея она не приводится: «Монастырь назван Крестным, как говорят, потому что он выстроен на том месте, где росло древо, на котором распят был Спаситель мира. Престол храма стоит именно на том самом месте, где росло это древо».[82] В том, что некоторые паломники не приводят в своих записях Крестной легенды, скорее, следует видеть отношение странников к самой легенде, емко и точно сформулированное В. Н. Хитрово, паломником и исследователем Святой Земли: «Человеческое воображение с ранних лет создало целый ряд преданий о возникновении Крестного древа, мы их рассказывать не будем. ⟨...⟩ И действительно, не праздное ли человеческое любопытство допытываться до того, чего нет в Священных книгах? Важно не то, из какого дерева был сделан крест, а то великое спасительное для рода человеческого таинство, которое некогда на нем совершилось».[83] Однако такое отношение к апокрифу о Крестном древе правомерно для Нового времени. В эпоху средневековья, скорее, действовал иной механизм: так как в известном корпусе «хождений» XII—XVII веков апокрифы о Крестном древе не воспроизводятся — при том, что другие апокрифические сюжеты включены в повествовательную ткань этих произведений,[84] — то можно думать, что этот апокриф не был актуальным для палестинской традиции того времени, почему и оказался за рамками «хождений». Аналогичную ситуацию можно наблюдать и с апокрифическим рассказом о сне Варуха. По данным Ю. А. Пятницкого, эта апокрифическая история «прочно вошла в греческие проскинитарии XVI—XVII веков и упоминается при рассказе о поле Агриппы за стенами Иерусалима, куда послал пророк своих учеников за смоквами. Пещера Варуха не была особым местом почитания, и внимание паломников обращалось на нее, когда они проходили мимо».[85] В восточнославянской паломнической литературе систематическое воспроизведение этого апокрифа С. П. Розанов связывал с петровским временем.[86]

Обобщая сказанное, подчеркнем, что с начала XVIII века апокрифический сюжет о Крестном древе становится актуальным для русской паломнической литературы, в отличие от ее средневекового периода развития. Отметим и распространение в паломнических рассказах Нового времени разных вариантов этого апокрифа, среди которых преобладало «Лотово знамение», что напрямую можно связать с тиражированием этого сюжета в греческой традиции, носителями которой для наших богомольцев выступали гиды-проводники. На наш взгляд, эту особенность паломнических описаний XII—XIX столетий стоит учитывать, реконструируя историю развития жанра «хождения».

* * *

Помимо предания о Крестном древе, описания наших паломников сохранили свидетельства и о бытовании в палестинской церкви частиц самого Животворящего древа.

---

[82] Там же. С. 97.

[83] *Хитрово В. Н.* Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 162.

[84] См., к примеру, анализ легендарного пласта в «Хождении» Василия Познякова (*Голубцова М. А* Указ. соч. С. 42, 46—48). Обилие такого материала, представленного в форме топографических заметок, в «Хождении» игумена Даниила В. П. Адрианова-Перетц считала причиной включения памятника в XVI веке в индексы отреченных книг, см.: [*Адрианова Перетц В. П.*] Апокрифы // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 73.

[85] *Пятницкий Ю. А.* Паломническая евлогия «Топография Палестины». С. 106.

[86] Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 149—150, прим. 137. Справедливости ради заметим, что в форме топографической заметки предание о пророке Варухе читается в тексте «Хождения» гостя Василия (Хожение гостя Василья. (1465—1466 гг.) / Под ред. архим. Леонида. СПб., 1884. С. 9 (ППС. Вып. 6)).

Как правило, само предание о Крестном древе в «хождениях» помещалось либо до описания места его произрастания, либо после. Некоторые из наших богомольцев позднего времени оставили подробное описание самого места, по которому читатель мог зримо его представить. Приведем свидетельство Василия Григоровича-Барского: «...ведомы быхомъ внутри олтаря, и поклоняхомся древу Честнаго креста, идѣже мѣсто оное нынѣ стоитъ подъ престоломъ мраморнымъ, каменнымъ покровенно, въ немъ же просѣченна дира въ глубину на локоть и окована, якоже на Голгофѣ, во знамение и память бывшаго тамо древа. Тамо 3 кадила висятъ сребрянные непрестанно свѣтящие. Послѣ же слушахомъ Божественной литургии, и по окончании ея изнесе крестъ святый от Животворящаго древа, содѣланный величествомъ больший отъ пяди; широтою же и толщиною, яко палецъ человѣческъ, сребромъ позлащеннымъ окрестъ оковань, на немь же колоръ перцовий зрящееся бити, якоже и въ Иерусалимѣ, вь великой церкви Воскресения Господня».[87] Интересные подробности можно почерпнуть из описания паломницы 1907—1908 годов рясофорной послушницы Серафимо-Дивеева монастыря Анны Ковригиной: «Место, где росло Крестное Древо — за олтарем главнаго храма в особом приделе под св. престолом, круглая яма, из которой дают св. землицы на благословение поклонникам. Здесь же служат молебны на русском языке ⟨...⟩. После обедни нам служили всем молебен в пределе Крестнаго Древа и потом угостили всех поклонников чаем с закуской, в то же время напитали и духовно: прочитано было о том, как надо стараться правильно полагать христианам на себя крестное знамение, и какое предание имеется о том, как росло Крестное Древо; потом предложили, как принято у греков, записать своих родителей и дали на память всем по иконочке или крестику».[88]

В паломнических свидетельствах разного времени о поклонении кресту от Животворящаго древа отразилось верование в его самовоспроизведение,[89] в то, как пишет доктор Сепп, что «сколько бы от него не брали частиц, как живое само себя пополняет — это образ целости церкви».[90] О бытовании креста из Животворящего древа в жизни Иерусалимской греческой церкви читаем в «Проскинитарии» Арсения Каллуди: «Тамо (т. е. в Иордане. — *И. Ф.*) въ праздникъ Поноявлений грядущее христиане съ благоговѣниемъ и псалмопѣниемъ грузятъ животворивый Крестъ, и по погружении мыются мнози въ водѣ, за благоговѣние».[91] В «Хождении» Иоанна Лукьянова паломник свидетельствует, что крест Животворящего древа «в той церкви (Крестном монастыре — *И. Ф.*) стоит и доднесь целъ и сребром обложенъ и позлащенъ», а в лавре Саввы Освященного паломникам «вынесли крестъ, здѣланъ от части животворящаго древа. Мы же целовахомъ тотъ крестъ и обрадовахомся радостию неизреченною».[92] В «Путнике» инока Матронинского монастыря Серапиона (1749 года) описан обряд поклонения частице Животворящего древа в самом монастыре Креста. Рассказав легенду о произрастании Крестного

[87] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока... Ч. 1. С. 334.

[88] Путешествие рясофорной послушницы Серафимо-Дивеева монастыря Анны Ковригиной во святый град Иерусалим и другия святыя места Палестины, Синая, Бар-града и Рима в 1907 и 1908 гг. Моршанск, 1909. С. 73—74.

[89] Свойство самовоспроизведения приписывается преданиями и древу из Ноева ковчега. В «Путешествии» Андрея Игнатьева 1707 года при описании храма, построенного на месте пещеры, где во время бегства из Иерусалима жила Мария с Младенцем и Иосифом, приводится следующее предание: «...и тамо въ той пещерѣ по обою страну есть по 4 мраморныхъ столпа, и на о шуей странѣ, назади ихъ, при двух столпахъ, положено, вмѣсто подкладокъ, отъ нѣкоего древа по малому бруску, и отъ того берутъ христианы многия благоговѣнства, рѣжутъ съ концовъ, но зѣло съ трудностию; видъ того древа кофейной цвѣтъ, а по нашему яко бы гвоздичной, *и колико рѣжутъ, но не убываетъ, и сказываютъ, что, де, оное древо Ноева ковчега*» (*Леонид* (*Кавелин*), *архим.* Паломники-писатели петровского и послепетровского времени. С. 44).

[90] РНБ. Собр. А. А. Титова. № 4695/I. Л. 226.

[91] Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима на греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда. С. 54.

[92] Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. С. 84, 85.

древа, Серапион продолжает: «Чтий, да разумѣетъ, что потому и сей монастырь Крестъ именуется; бо на томъ мѣстѣ, идѣже сие возврасте древо, поставленъ, и гдѣ самое тое росло древо, тамъ теперь престолъ и трапеза, на ней же приносится жертва, выну хваления пожершемуся насъ ради на ономъ древѣ Христу. Тамъ, гдѣ корень онаго древа бысть, сущее древо, Животворящий крестъ Господень, стоитъ подъ престоломъ, затворенъ за стекломъ и предъ нимъ неугасимое всегда горитъ кандило, и когда туда хажеи, си есть поклонники, въ монастырь приходятъ, тогда, по литургии божественной, служащий иерей вынимаетъ его оттуду, и износитъ его на главѣ, предыидущимъ двомъ со свѣщами братиямъ протчимъ, „Спаси, Господи, люди своя" поющимъ, и полагаетъ его иерей со страхомъ на столпцѣ, среди церкви поставленномъ и украшенномъ, и тогда идутъ по два, и покланяются, и лобызаютъ крестъ Господень».[93]

О выносе креста для поклонения паломникам, пришедшим в храм Гроба Господня, сообщал и Яким Васильев: «А когда мы, поклонники, приходимъ, то выносятъ крестъ неболшей от настоящаго древа Христова, и к нему прикладываемся, а изъ-подъ креста наделяютъ насъ по веточке с листами растущаго древа в томъ монастыре, от корени древа креснаго».[94] В «Путешествии во святый град Иерусалим» монаха Серапиона (1830—1831) сообщено, что паломникам «вынесли для облобызания из алтаря Воскресения Христова небольшую часть Животворящего Креста».[95] В третью неделю Великого поста, Крестопоклонную, по свидетельству инока Парфения, на утрени в храме Воскресения, «на великомъ славословии, со свѣщами и съ рипидами, митрополиты выносили крестъ — изъ самаго честнаго древа: крестъ очень порядочный. Когда вынесли и вокругъ аналоя обошли трижды, тогда положили, и было поклонение по уставу. Потом все подходили и лобызали, только с великою осторожностию и опасением ⟨...⟩. Этотъ крестъ я сподобился видѣть только единожды».[96] Василий Григорович-Барский в афонском монастыре Ксиропотам видел два креста Животворящего древа: «...отъ царя греческаго Романа Стараго дарованный, въ сребропозлащенномъ ковчезѣ, съ двома попречнымы прелогы, содѣланъ отъ подножия Христова, си есть отъ оной части, на ней же пригвождена быша пречистии Его нозѣ; на немъ же и дира обрѣтается древня, въ ней же гвоздь бяше. Которому азъ со страхомъ поклонившися, и съ вѣрою и благоговѣниемъ его лобизавшы, положыхъ его на чистый бумазѣ и очертахъ его мѣру, яже есть неотмѣнно сицева, якоже здѣ на хартии представляю, си есть: вторый, нижайший, прекладъ простирается едва не на пядь, вышний же, кратшый, шыроты имать на полторы пяди, ваги же драхмъ сто, якоже въ копѣи хрисовула свѣдителствуется. Есть же цвѣтомъ или зракомъ не въ самой крайней черносты, но нѣкако черносвѣтелъ, и откровенъ есть отвсюду, точию по рогамъ мало златомъ упещренъ. Въ время же освящения води на чине прошение, снимаютъ тамо иноцы злато отъ единаго рога, и той рогъ крестообразно въ водѣ погружаютъ, еже и мнѣ сотвориша.

---

[93] *Леонид* (*Кавелин*), *архим.* Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени... С. 113—114.

[94] РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 14 об. Свидетельство об этом читается в книге В. Н. Хитрово «К Животворящему гробу Господню. Рассказы старого паломника»: «...зайдя по пути еще в Крестный монастырь, построенный на том месте, где, говорят, росло дерево, из которого сделан был крест, на котором распяли Иисуса Христа ⟨...⟩. В церкви прикладывались мы к части Животворящего Креста, а за олтарем — к месту, где росло Живоносное дерево». Он же свидетельствует, что в храме Воскресения «из алтаря вынесли крест, в котором вложена часть от Животворящаго креста Господня» ([*Хитрово В. Н.*]. К Животворящему гробу Господню. Рассказ старого паломника. С. 44, 80). О сохранении Животворящего древа в храме Гроба Господня см. также: *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. С. 289—294.

[95] *Румановская Е. Л.* Два путешествия в Иерусалим в 1830—1831 и 1861 годах. М., 2006. С. 53.

[96] *Парфений* [*Агеев Петр*]. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Зѣмле. Ч. 4. С. 82.

Еще же сей крестъ, по прошению християнскому, износятъ часто внѣ Святой Горы, въ окрестны гради, егда моровица нечаянно начнетъ людей губыти, и входятъ къ немощнымъ несумѣно, и не точию самы не вредятся, но и сотворившы въ нѣколицѣхъ домѣхъ освящение воды, и окропивши улици и стогны, свобожаютъ дѣйствиемъ его весь или градъ отъ губителства».[97] Там же Василию Григоровичу-Барскому показывали еще один «крестъ Животворящаго Древа, прежде сего въ обытель сию дарованный отъ царицы Пулхерии, иже есть такожде великъ, обаче далече менший перваго, со единымъ точию поперечиемъ, имѣяй долготы на пядь, шыроты же на перстъ, ваготы же драхмъ двадесятъ шесть; зракомъ же есть чернъ. Сей обрѣтается въ иномъ кивотцы, съ нимъже купно даровася отъ предъреченной царицы, съ четиремадесять частицамы святыхъ 40 мученыкъ, тамо по чину окрестъ креста чинно и лѣпо и недвижимо улѣпленны, съ подписаниемъ именъ ихъ. И сей такоже, на премѣну, внѣ Святой Горы износиться въ мыръ, и освящениемъ води изцѣляетъ различнии немощи, и прикосновениемъ отгоняетъ недуги, съ вѣрою покланяющимъся ему».[98]

Яким Васильев, посетивший Афон в 1819 году, писал, что «во всехъ святогорскихъ монастыряхъ есть изъ частей Животворящаго древа Христова, на которомъ плотию пострадалъ, изъ него по одному неболшому кресту».[99] Преосвященный Порфирий (Успенский), посетив Синай в 1850 году, рассказывал о сохранении в монастыре Святой Екатерины «девяти крестов серебреных с животворящим древом разной величины. Части сего древа малы».[100]

Некоторые из паломников охотно рассказывают и о хранившемся, как они сами пишут, очевидно со слов гидов-проводников, «до недавнего времени» в алтарной части храма корне крестного древа, который, по словам купца Анисима Симоченкова, «разобран поклонниками», и на его месте осталась ямка, из которой паломники берут песочек и камешки.[101] Эту паломническую традицию отмечают преимущественно странники XIX века — Илья Сысоев, Кир Бронников, а также практические руководства для паломников, изданные в Петербурге и Одессе в последней трети XIX века. Они же сообщают о допуске в алтарь для поклонения святыни женщин. Помимо песка и камня, — скромных свидетельств поклонения святыне, — известны и другие реликвии, связанные с почитанием древа Креста Господня.

Как известно, в 1652 году из Ватопеда в Москву афонскими монахами были доставлены Животворящий Крест и глава св. Иоанна Златоуста. Согласно царской грамоте Ватопеду от 10 марта 1656 года, «великий государь тое святыню Животворящий Крест Господень и главу Иоанна Златоустаго изволили оставить у нас, великого государя».[102] А в «Житии Евфросинии Полоцкой» рассказано о получении

---

[97] Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока... Ч. 3. С. 313—314.

[98] Там же. С. 314.

[99] РНБ. Собр. А. А. Титова. № 889. Л. 42 об.

[100] Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году. СПб., 1856. С. 102.

[101] РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135—135 об.

[102] *Фонкич Б. Л.* Чудотворные иконы и священные реликвии христианского Востока в Москве в середине XVII в. // Очерки феодальной России. М., 2001. Вып. 5. С. 94. Б. Л. Фонкич отмечает попытку ватопедских монахов в 1683 году вернуть реликвии обратно в монастырь, для чего они прибыли в Москву, где получили новую жалованную грамоту и деньги для монастыря (Там же. С. 95—96). Последующие посланники Ватопеда вопрос о возврате святынь не поднимали. Б. Л. Фонкич обращает внимание на грамоту 1688 года, в которой русскими правителями — Иоанном Алексеевичем, Петром Алексеевичем и великой княжной Софьей Алексеевной — было сказано, что «святыни быть в нашем царствующем велицем граде Москве для того, что привезена та святыня ко отцу нашему блаженные и вечнодостойные памяти к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцу на сохранение от насилия нечестиваго агарянскаго» (Там же. С. 95). Как отмечает в той же статье исследователь, Животворящий крест из Ватопеда находился в Успенском собо-

для Полоцка бесценных святынь из Константинополя, среди которых названа частица древа Креста Господня с каплей крови Спасителя, положенная в ковчег, специально изготовленный по заказу преподобной.[103] Обратим внимание и на хранящийся в собрании Эрмитажа серебряный реликварий с частицей древа Креста Господня, обнаруженный М. К. Каргером при раскопках древнерусского городища в Хмельницкой области.[104] Этот «вещественный» мир русских паломников помогал материализовать память о совершенном богомолии. Сохранившиеся паломнические рассказы тоже можно рассматривать как своеобразные «реликварии памяти», хранившие не только воспоминания об увиденных святынях и легенды, с ними связанные, но и те эмоциональные переживания, испытанные странниками, о которых писал Анисим Симоченков — когда в монастыре Святого Креста, у самой святыни, «воспевали паломники ирмосъ Кресту, „О треблаженное древо, на немъже распяся Христос"».[105]

ре Московского Кремля, откуда исчез после изгнания Наполеона из Москвы (Там же. С. 96—97, прим. 67). См. также: *Чеснокова Н. П.* Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в. (по материалам Посольского приказа) // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 92—94, 102, 121.

[103] Воздвизальный крест, изготовленный мастером Лазарем Богшей, датируется 1161 годом (см.: *Довгялло Д. И.* Крест преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой. Витебск, 1895; *Алексеев Л. В.* Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // Российская археология. 1993. № 2. С. 70—75).

[104] Об этом см.: *Пескова А. А.* Паломнические реликвии Святой Земли в древнерусском городе // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. научных статей / Под ред. В. Н. Залесской. СПб., 2001. С. 113—118.

[105] РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 135 об.